

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: [10.14515/monitoring.2025.5.3018](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3018)

В. А. Прохода

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ В КОНТЕКСТЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО СТАТУСА ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Правильная ссылка на статью:

Прохода В. А. Отношение к мигрантам в контексте поселенческого статуса жителей России и других европейских стран // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 64—89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3018>.

For citation:

Prokhoda V. A. (2025) Attitudes Towards Migrants in the Context of the Settlement Status of Residents of Russia and Other European Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 64–89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.5.3018>. (In Russ.)

Получено: 14.05.2025. Принято к публикации: 08.10.2025.

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ В КОНТЕКСТЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО СТАТУСА ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

ПРОХОДА Владимир Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры философии образования философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: prochoda@mail.ru

https://orcid.org/0000-0001-7508-960X

Аннотация. Цель статьи — выявить, разли чаются ли установки по отношению к мигрантам в зависимости от поселенческого статуса жителей России и других европейских стран, определить, чем обусловлены возможные различия. Анализируются материалы десятой волны Европейского социального исследования и сопоставимого с ним Российского социального исследования. С использованием многомерного анализа рассчитаны интегративные показатели «отношение к мигрантам» и «готовность к приему мигрантов», характеризующие установки населения. Отношение к мигрантам жителей городов и сельской местности рассмотрено с учетом возможного эффекта влияния основных социально-демографических характеристик.

Определено, что в большинстве европейских стран отношение горожан к приезжим позитивнее, чем у сельских жителей. В России и ряде других государств зависимости отношения от поселенческого статуса не обнаружено. В большинстве стран выявлена диспропорция в уровне образования жителей городов и сельской местности, при этом респонденты с высшим образованием более благосклонны к приезжим. Подчеркивается опосредованный характер этой зависимости. В России значимая связь об

ATTITUDES TOWARDS MIGRANTS IN THE CONTEXT OF THE SETTLEMENT STATUS OF RESIDENTS OF RUSSIA AND OTHER EUROPEAN COUNTRIES

*Vladimir A. PROKHODA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow at the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy
E-MAIL: prochoda@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-7508-960X*

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article aims at identifying whether attitudes towards migrants differ depending on the settlement status of residents of Russia and other European countries and to determine what causes possible variation. The author analyzes materials of the tenth wave of the European Social Survey and the comparable Russian Social Survey and, using multivariate analysis, estimates the integral indicators “attitude towards migrants” and “readiness to accept migrants” characterizing the attitudes of the population. The attitudes of urban and rural residents toward migrants are examined taking into account the possible influence of key sociodemographic characteristics.

The study reveals that in most European countries, the attitude of city dwellers towards newcomers is more positive than that of rural residents. At that, no significant differences in attitudes depending on settlement status were found in Russia and several other countries. In most countries, a disproportion in the level of education between urban and rural residents was found, with respondents with higher education holding more favorable attitudes toward immigrants. The study emphasizes the indirect nature of this relationship. In Russia, no significant correlation between education and attitudes is revealed, which partly explains the lack of differences in attitudes to

разования и установок не фиксируется, что отчасти объясняет отсутствие различий в отношении к мигрантам между городским и сельским населением. Констатируется, что экономический статус является слабым объясняющим фактором различий в оценках горожан и селян.

На примере одного из индикаторов традиционализма и наднациональной европейской идентичности выявлено, что различия в установках жителей городов и сел связаны с особенностями ценностных ориентаций. Сквозь призму страны рождения респондента и его родителей характеризуется среда социального взаимодействия. Отмечается, что неоднородное окружение в большей степени характерно для городского населения. Делается вывод, что различия в отношении к мигрантам горожан и селян в существенной степени отражают уровень образования, ценностные ориентации и разнородное окружение. При этом комбинация и степень влияния факторов могут варьироваться. В части стран имеет место совершенное опосредование, в других прямой эффект снижается, но остается значительным. Необъясненные различия могут быть связаны с частотой и характером контактов коренных жителей и мигрантов.

Ключевые слова: мигранты, иммиграция, образование, социальные установки, отношение к мигрантам, готовность к приему мигрантов, городское и сельское население

Введение

России на фоне сложившейся демографической ситуации и дефицита кадров для динамичного развития требуются мигранты. В полной мере это относится и к целому ряду европейских государств¹. Необходимость привлечения мигрантов, их важная роль в развитии экономики как ресурса рабочей силы осознается

¹ Demographic Change in Europe // European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3112> (дата обращения: 24.04.2025).

ward migrants between urban and rural residents. The author concludes that economic status is a weak explanatory factor for differences in assessments between urban and rural residents, and its effect is observed only in certain countries.

Using one of the indicators of traditionalism and supranational European identity as an example, the author reveals that differences in attitudes between urban and rural residents are linked to differences in value orientations. The social environment of social interaction is characterized through the lens of the respondent's and their parents' country of birth. It is noted that a heterogeneous environment is more characteristic of the urban population. Ultimately the author concludes that that differences in attitudes toward migrants between urban and rural residents largely reflect education level, value orientations, and a heterogeneous environment. However, the combination and degree of influence of these factors may vary. In some countries, perfect mediation occurs, while in others, the direct effect is reduced but remains significant. Unexplained differences may be associated with the frequency and nature of contact between native-born residents and migrants.

Keywords: migrants, immigration, education, social attitudes, attitudes towards migrants, readiness to accept migrants, urban and rural population

и неоднократно озвучивалась на официальном уровне как в России, так и за рубежом. Эксперты оценивают иммиграцию как важный позитивный ресурс для социально-экономического и демографического развития, показывают ее положительный эффект для национальной экономики.

Однако миграция, особенно нелегальная, сопряжена с широким спектром рисков, может приводить к росту социальной напряженности и другим негативным последствиям, что обуславливает попытки ужесточения контроля на государственном и межгосударственном уровне. Роль иммиграции вызывает интенсивные дискуссии о мерах обеспечения общественной безопасности, становится частью политической повестки. Освещение миграционного вопроса в СМИ меняется в зависимости от национальных особенностей, однако в целом имеет тенденцию создавать негативные нарративы, в которых иммиграция ассоциируется с угрозами кризиса, преступности для коренного населения.

Отношение принимающего сообщества во многом предопределяет миграционные планы, успешность интеграции и адаптации мигрантов [Kahanec, Tosun, 2009], выступая в качестве фактора политики и сигнала о готовности приема местным населением [Мукомель и др., 2022: 116]. Опросы общественного мнения свидетельствуют об актуализации миграционного вопроса, сравнительно широком распространении негативных установок по отношению к мигрантам.

Глобальный опрос Gallup International, проведенный в 2024 г., показал, что за 15 лет в мире сократилась доля людей, позитивно оценивающих иммиграцию. При этом Восточная Европа оказалась в числе регионов с максимальным сокращением². Согласно опросу «Европарометр», проведенному в 2021 г., иммиграция занимала третье место в рейтинге главных проблем, с которыми сталкивается Европейский союз³.

Города в силу больших перспектив трудоустройства, возможностей доступа к инфраструктуре выступают точками притяжения мигрантов, именно в них приезжие ищут достойный уровень жизни. По данным Российской официальной статистики, в 2023 г. в города прибыло в 4,1 раза больше внешних мигрантов (450 714 человек), чем в сельскую местность (109 720 человек). В целом миграционный прирост городского населения более чем в пять раз превысил аналогичный показатель для сельского населения⁴. О чрезвычайно значимой роли городов свидетельствуют и данные европейской статистики⁵. Статистическая информация подтверждается результатами социологических опросов, согласно которым горожане существенно чаще отмечают как факт наличия мигрантов в месте своего проживания, так и их многочисленность⁶.

² More People View Immigration Negatively than Those Who View It Positively // Gallup International. 2025. 14 February. URL: <https://www.gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/more-people-view-immigration-negatively-than-those-who-view-it-positively> (дата обращения: 22.04.2025).

³ Integration of Immigrants in the European Union // European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2276> (дата обращения: 25.04.2025).

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Population by Citizenship and Country of Birth—Cities and Greater Cities // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/urb_cpopcb/default/table?lang=en&category=mi.mii.mii_urb (дата обращения: 25.03.2025).

⁶ Всероссийский телефонный опрос «Спутник» проведен в период с 16.05.2021 по 23.05.2021 // ВЦИОМ-Навигатор. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/c7124fc1-1cd9-4ef9-a6cb-08c8ced1542e/cross/c7e9e220-72a3-4936-a9a8-3aa4a89e778e> (дата обращения: 24.04.2025).

Цель исследования — выявить, различаются ли установки жителей городов и сельской местности по отношению к мигрантам, определить, чем обусловлены возможные различия. Полученные результаты могут выступать в качестве эмпирического основания для разработки мер, направленных на формирование установок населения с учетом специфики поселенческого статуса как основы для успешной интеграции мигрантов.

Обзор научной литературы

С учетом существующего терминологического многообразия [Ceobanu, Escandell, 2010] обозначим, что в публикации используется терминология, принятая в Европейском социальном исследовании (ESS). Под мигрантами понимаются люди из других стран, переезжающие жить в страну проведения опроса. Такой подход, обеспечивая унификацию, в то же время имеет некоторые ограничения, в полной мере не дифференцируя мигрантов и другие категории. Например, возвращенец из эмиграции в целом соответствует этому определению. Затрудняется и возможность учета ряда характеристик миграции.

Теоретическую рамку исследования составляют теория интегрированной угрозы [Stephan, Stephan, 2000] и теория контакта [Allport, 1979; Pettigrew, Tropp, 2012; Варшавер, 2015]. В рамках первой негативизм в установках связывается с отрицательной оценкой влияния миграции на общество, когда экономические, культурные интересы коренного населения оказываются под угрозой [Fetzer, 2000]. Сами угрозы могут быть как реальными, так и символическими [Stephan, Renfro, 2002].

Вторая теория объясняет, как и при каких условиях среда взаимодействия в городах может способствовать более позитивному восприятию мигрантов по сравнению с сельской местностью. Разнообразие населения признается определяющей характеристикой городской среды [Lee, Sharp, 2017]. Позитивные установки рассматриваются как результат большего числа контактов между приезжими и коренными жителями городов. При отсутствии реальных контактов даже представление позитивного взаимодействия способствует улучшению отношения [Crisp, Turner, 2009].

Большинство эмпирических исследований свидетельствуют о более позитивном отношении к мигрантам жителей городов [Fennelly, Federico, 2008; Ceobanu, Escandell, 2010; Paas, Halapuu, 2012]. В сельской местности европейских стран выше вероятность поддержки как полного, так и расового исключения мигрантов [Gorodzeisky, Semyonov, 2009]. В то же время результаты отдельных национальных исследований показывают отсутствие значимых различий в отношении к приезжим в зависимости от поселенческого статуса [Sáez-Pascual, 2024].

Различия в установках связывают с групповой изоляцией, отсутствием разнообразия, мотивации вступления в контакт, трудностями с объединением людей в сельской местности [Crawley, Drinkwater, Kausar, 2019], увеличенным числом контактов в городах в силу высокой плотности населения [Markaki, Longhi, 2013]. При сравнении на разных уровнях урбанизации фиксируется разрыв в космополитически-националистических взглядах между жителями городов и сел [Huijsmans et al., 2021]. Констатируется, что городская среда способству-

ет толерантности [Huggins, Debies-Carl, 2015], а сельское население характеризуется как более консервативное и расово предвзятое. Сельская местность рассматривается как символ национальной идентичности и традиций [Goicolea et al., 2023]. Отмечается, что европейская наднациональная идентичность положительно связана с отношением к мигрантам, в то время как люди, сильно идентифицирующие себя со своей страной, воспринимают мигрантов как угрозу [Konings, De Coninc, D'Haenens, 2023].

Многочисленные исследования свидетельствуют о важной роли образования как фактора отношения коренного населения к мигрантам [Chandler, Tsai, 2001; Монусова, 2021]. Менее образованная часть населения более восприимчива к экономической и культурной угрозам миграции [Konings, Mosaico, 2020]. Позитивное восприятие приезжих связывают с высоким уровнем образования, способствующего лучшей способности к абстрагированию, либерализующему эффекту, формированию космополитического мировоззрения и толерантности [Umansky, Weber, Lutz, 2025; Haubert, Fussell, 2006]. При этом образование как механизм социализации может транслировать различные культурные нормы и ценности в зависимости от общественного заказа, определяемого либерально-демократическими традициями страны [Coenders, Scheepers, 2003].

В ряде работ отмечается влияние образования в контексте гипотезы конкуренции на рынке труда через корреляцию с уровнем дохода, профессиональной квалификацией, стабильностью положения [Schneider, 2008]. Образование как критерий стратификации обеспечивает более уверенный статус, что дает преверенции перед иммигрантами. Однако, как свидетельствует метаанализ, при контроле экономических характеристик значимость образования сохраняется [Dražanová et al., 2024].

Эффект образования ярче проявляется в городах, а негативные установки по отношению к мигрантам более выражены в сельской местности [Garcia, Davidson, 2013]. Люди с высоким уровнем образования склонны выбирать города в качестве места жительства [Sáez-Pascual, 2024] не только по экономическим причинам, но и в силу их большей привлекательности для придерживающихся космополитических установок и предпочтений в образе жизни [Huijsmans et al., 2021]. Влияние космополитизма сильнее всего проявляется среди жителей крупных городов, а эффект контакта — в средних городах, что связывают с размером сообществ и контекстом контакта (наличие повторных взаимодействий, длительность) [Ceballos, Yakushko, Lyons, 2014].

Отдельные исследования показывают, что проживание в сельской местности само по себе не связано с негативными установками по отношению к мигрантам при учете влияния уровня образования и характера социального взаимодействия [Zahl-Thanem, Haugen, 2019].

В нашей стране результаты исследований неоднозначны. Одни авторы фиксируют выраженный негативизм жителей городов [Этничность..., 2017: 63], в том числе с привязкой к численности населения [Воронина, 2023]. При сравнении с Европой делается вывод, что за рубежом городские жители более космополитичны и терпимы, чем жители сельской местности, а в России имеет место противоположный эффект [Bessudnov, 2015: 19]. Другие ученые констатируют более

негативное отношение к мигрантам жителей сел и поселков городского типа [Монусова, 2021: 452; Социокультурные..., 2016: 52]. С учетом возможности влияния фактора времени и широкого контекста присоединимся к мнению о том, что результаты отечественных исследований требуют уточнений [Мастикова, Фадеев, 2020: 107].

Проведенный анализ научной литературы позволяет выдвинуть следующие гипотезы.

1. В большинстве европейских стран горожане по сравнению с сельскими жителями демонстрируют более позитивные установки по отношению к мигрантам.

2. Различия в установках по отношению к мигрантам городского и сельского населения отчасти обусловлены уровнем образования респондентов.

3. Разнородная среда в большей степени характерна для городов и связана с позитивным восприятием мигрантов. Характер среды взаимодействия влияет на различия в установках сельского и городского населения.

4. Привязанность к Европе как ценностная ориентация связана с благосклонным отношением к мигрантам и в большинстве стран влияет на различия в установках жителей сельской местности и городов.

В целом на фоне объема научной литературы, характеризующей национальные аспекты отношения к мигрантам, отметим некоторый дефицит межстрановых исследований, направленных на сравнение аттитюдов жителей сельской местности и городов.

Материалы и методы

Эмпирической базой для вторичного анализа послужили материалы десятой волны ESS и Российского социального исследования (РСИ), реализованного по сопоставимой с ESS программе. РСИ проведено Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) в июле-декабре 2021 г. методом личного интервью по месту жительства респондентов, отобранных по случайной вероятностной выборке населения страны в возрасте 15 лет и старше ($n = 2070$). Сбор первичной социологической информации в большинстве других стран-участниц проводился в период со второй половины 2021 г. по первую половину 2022 г.⁷

В рассматриваемый временной интервал важным событием, определяющим миграционную ситуацию в Европе, стал кризис украинских беженцев. В основных странах-реципиентах полевой этап исследования в конце февраля 2022 г. был либо уже завершен (Австрия, Германия, Россия, Литва, Словакия, Франция, Чешская Республика), либо была собрана существенная часть материала (Великобритания ≈ 70 %, Польша ≈ 80 %, Италия ≈ 50 %, Испания ≈ 50 %, Нидерланды ≈ 85 %), что позволяет проводить корректные сопоставления.

⁷ Даты проведения полевого этапа в формате месяц, год. Австрия: 08.21—12.21, Бельгия: 10.21—09.22, Болгария: 06.21—09.21, Великобритания: 08.21—09.22, Венгрия: 06.21—10.21, Германия: 10.21—01.22, Греция: 11.21—05.22, Израиль: 02.22—07.22, Ирландия: 11.21—12.22, Исландия: 07.21—02.22, Испания: 01.22—05.22, Италия: 10.21—04.22, Латвия: 11.21—01.22, Литва: 07.21—12.21, Нидерланды: 10.21—04.22, Норвегия: 06.21—05.22, Польша: 01.22—05.22, Португалия: 08.21—03.22, Республика Кипр: 03.22—08.22, Северная Македония: 10.21—03.22, Сербия: 01.22—05.22, Словакия: 05.21—10.21, Словения: 09.20—08.21, Финляндия: 08.21—01.22, Франция: 08.21—12.21, Хорватия: 05.21—11.21, Чешская Республика: 07.21—09.21, Черногория: 11.21—03.22, Швейцария: 05.21—05.22, Швеция: 12.21—01.22, Эстония: 06.21—12.21.

Анализируются данные по 32 странам⁸. Для обеспечения возможности сравнения стран применены весовые коэффициенты⁹. Основные вопросы, используемые в обработке и анализе, представлены в таблице 1. Нумерация вопросов соответствует опросному инструментарию.

Таблица 1. Основные вопросы анкеты, интегративные показатели и результаты анализа

			Нагрузки
«Отношение к мигрантам»*	b43. Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Россию, в целом плохо или хорошо сказывается на экономике России? (Шкала ответов от 0 до 10)	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	0,88
	Плохо для экономики	Хорошо для экономики	
«Готовность к приему»**	b44. Теперь, пользуясь этой карточкой, скажите, как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России? (Шкала ответов от 0 до 10)	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	0,90
	Разрушает культуру нашей страны	Обогащает культуру нашей страны	
	b45. Как Вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже? (Шкала ответов от 0 до 10)	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	0,91
	Становится хуже	Становится лучше	
	b40. Используя эту карточку, скажите, следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения России, переезжать жить в нашу страну?		0,86
	(Шкала ответов: «1» — Следует позволить многим таким людям переезжать жить в Россию; «2» — Следует позволить некоторым таким людям переезжать жить в Россию; «3» — Следует позволить переезжать лишь немногим из них; «4» — Никому не разрешать)		
	b41. А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России?		0,94
(Шкала ответов: см. b40)			
	b42. А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?		0,91
	(Шкала ответов: см. b40)		
	f14. Какая из фраз на карточке наилучшим образом описывает место, где Вы живете?		
	(Шкала ответов: «1» — Большой город; «2» — Пригород или окраина большого города; «3» — Небольшой город или поселок городского типа; «4» — Деревня/село; «5» — Ферма или отдельный дом в сельской местности / хутор)		

* Использован факторный анализ (трактуется в широком смысле); метод главных компонент; извлечена одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — 0,74; объясняемая дисперсия = 80,3%; критерий Бартлетта — $p < 0,001$.

** Категориальный анализ главных компонент; выделена одна компонента; α Кронбаха = 0,89; объясненная дисперсия — 81,6%. Наблюдения с пропущенными значениями исключены.

⁸ Количество опрошенных в странах — участницах проекта: Австрия — 2003; Бельгия — 1 341; Болгария — 2 718; Великобритания — 1 149; Венгрия — 1 849; Германия — 8 725; Греция — 2 799; Израиль — 1 308; Ирландия — 1 770; Исландия — 903; Испания — 2 283; Италия — 2 640; Латвия — 1 023; Литва — 1 659; Нидерланды — 1 470; Норвегия — 1 411; Польша — 2 065; Португалия — 1 838; Республика Кипр — 875; Северная Македония — 1 429; Сербия — 1 505; Словакия — 1 418; Словения — 1 252; Финляндия — 1 577; Франция — 1 977; Хорватия — 1 592; Чешская Республика — 2 476; Черногория — 1 278; Швейцария — 1 523; Швеция — 2 287; Эстония — 1 542.

⁹ Использован весовой коэффициент проектирования после стратификации (без поправки на размер популяции) — «pspwght». Вес рекомендован ESS к использованию для анализа как по отдельной стране, так и для межстрановых сравнений. Подробнее см. Руководство по использованию весов и планирование выборки: URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS_weighting_data_1_1.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

Эмпирический анализ начинается с выявления обобщенных переменных, характеризующих установки населения. Расчет интегративного показателя «отношение к мигрантам» проведен на основе факторного анализа применительно к переменным b43, b44, b45, раскрывающим роль миграции для национальной экономики, культуры, а также страны как места для жизни в целом. Факторная структура воспроизводится на национальных выборках. Сокращение исходных переменных b40, b41, b42 проведено посредством категориального анализа главных компонент с сохранением обобщенной переменной «готовность к приему мигрантов».

Различия в установках жителей городов и сельской местности выявлены с использованием t-критерия для независимых выборок. Уровень значимости по-всеместно обозначен «**» для $p \leq 0,01$; «*» при $p \leq 0,05$. Различия между странами определены посредством использования однофакторного дисперсионного анализа. Далее проводился иерархический регрессионный анализ¹⁰. Применительно к каждой стране с выявленными значимыми различиями в установках сельского и городского населения поэтапно вводились предикторы, отобранные на основании результатов предыдущих исследований. Дополнительно предварительно проводился корреляционный анализ. В процессе подбора избегались незначимые и избыточные переменные, увеличивающие размерность задачи без существенного повышения качества модели и изменений коэффициентов регрессии.

Задача построения модели, наиболее полно описывающей отношение населения к мигрантам, не ставилась, поскольку выявление главных факторов, влияющих на отношение к мигрантам городского и сельского населения, выходит за рамки настоящей публикации. Основное внимание уделялось не приросту объяснительной силы модели, а опосредующему эффекту вводимых переменных. Интерес представляют снижение β -коэффициентов «места жительства» и их значимость, подтверждающие, что как минимум часть эффекта влияния поселенческого статуса на «отношение к мигрантам» проходит через добавленные в модели опосредующие переменные. Во всех моделях зависимая переменная — «отношение к мигрантам».

Модели 1 (M1, исходные модели) включают один предиктор — «место жительства». Варианты ответов на вопрос f14 преобразованы в две группы. Коды: 0 — сельская местность; 1 — города.

Модели 2 (M2) — добавлен предиктор «образование», измеряемый по количеству лет, потраченных на обучение. Поскольку в европейских странах возможны горизонтальные и вертикальные траектории получения образования, дополнительно для проверки устойчивости результата учитывалось наличие у респондента высшего образования. Коды: 0 — без высшего образования; 1 — высшее образование.

Модели 3 (M3) — добавлен предиктор «происхождение», рассчитанный на основе трех коррелирующих между собой исходных переменных: с21 «Вы родились в этой стране?»; с26 «Ваш отец родился в этой стране?»; с28 «Ваша мать родилась в этой стране?» Коды: 0 — респондент и/или отец и/или мать родились в стране проведения опроса; 1 — респондент и/или отец и/или мать родились в другой стране.

¹⁰ Под иерархической регрессией понимается множественная линейная регрессия методом иерархического ввода.

Модели 4 (M4) — добавлен предиктор «привязанность к Европе». Вопрос: с10 «Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к Европе?». Шкала ответов: от 0 — вообще не чувствую эмоциональной привязанности до 10 — чувствую очень сильную эмоциональную привязанность.

Модели 5 (M5) — добавлен предиктор «традиционализм». Вопрос b38 «Послушание и уважение к авторитетам — самые важные ценности, которые должны усвоить дети». Инвертированные коды: от 1 — совершенно не согласен до 5 — полностью согласен.

Модели 6.1 (M6.1, исходные модели) включают предикторы — «большие города», «остальные города и ПГТ» (объединены категории «пригороды или окраины» + «небольшой город и ПГТ»)¹¹. Варианты ответов на вопрос f14 (см. табл. 1) преобразованы в три дихотомические переменные. Опорная категория — «сельская местность».

Модели 6.2 (M6.2) включают предикторы — «большие города», «остальные города или ПГТ», «образование», «происхождение», «привязанность к Европе», «традиционализм».

Модели 7 (M7) включают добавленные единым блоком к набору предикторов M5 социально-демографические характеристики. Вопрос f2 «Ваш пол». Коды: 0 — мужской; 1 — женский. Возраст респондента — количество полных лет. Вопрос f42 «Какое из высказываний наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?». Преобразованные коды: 0 — «живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений» + «этого дохода нам в принципе хватает»; 1 — «жить на такой доход довольно трудно» + «живь на такой доход очень трудно».

Применительно к количественным переменным «образование», «привязанность к Европе», «традиционализм» для уточненной оценки прямого и косвенных эффектов (эффект воздействия через переменную-посредник) использовался анализ медиации методом бутстрэпа (вычисление по 5 000 выборок), реализованный в макросе PROCESS в рамках модели простой медиации (модель 4)¹².

Установки горожан и сельского населения по отношению к мигрантам

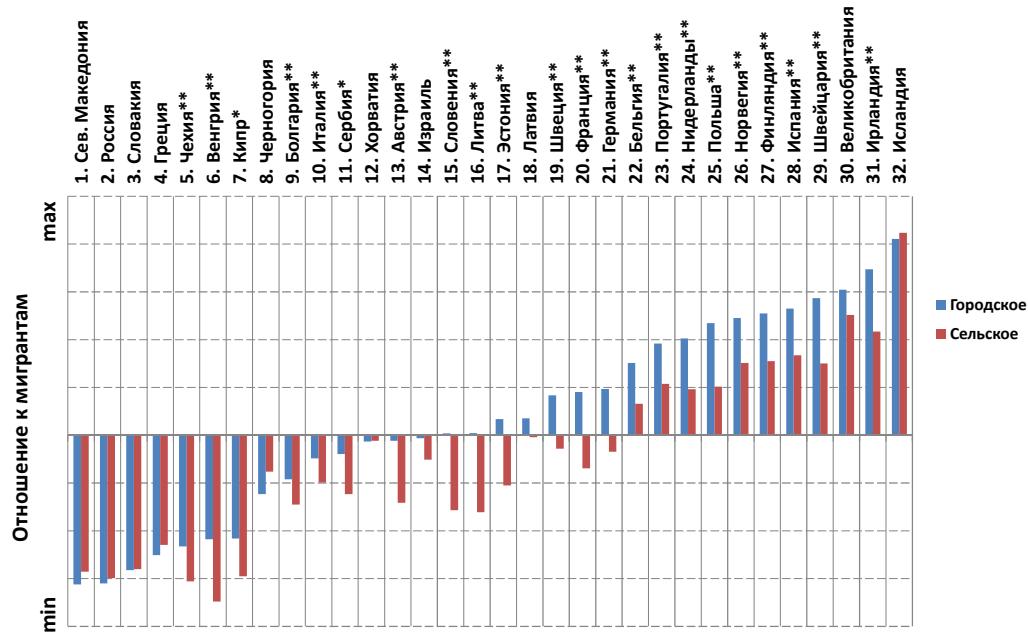
На основе факторного анализа рассчитывался интегративный показатель, условно именуемый в дальнейшем «отношение к мигрантам» (см. табл. 1). В целом чем благоприятнее отношение респондентов к приезжим, тем больше значение показателя. Позитивно воспринимающие миграцию положительно оценивают влияние притока мигрантов на национальную экономику, культуру, жизнь в стране в целом, и наоборот.

Далее страны — участницы ESS были ранжированы по возрастанию средних факторных значений «отношения к мигрантам» у городского населения от минимума «негативное отношение» до максимума «позитивное отношение» (см. рис. 1).

¹¹ Объединение проведено в силу малочисленности категории «пригород или окраина большого города» в ряде стран (Болгария $n = 58$, Венгрия $n = 41$, Северная Македония $n = 67$ и т.д.).

¹² См. подробнее: Hayes A. F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. New York, NY: Guilford Publications, 2017.

*Рис. 1. Отношение к мигрантам городского и сельского населения
(32 страны ранжированы в порядке возрастания показателя у городского населения)*

Как городское, так и сельское население стран — участниц проекта весьма дифференцировано в зависимости от отношения к мигрантам. На европейском фоне россияне демонстрируют негативные установки по отношению к приезжим, значимо не отличаясь от жителей Северной Македонии и Словакии. Россияне, проживающие в сельской местности, схожи в оценках с сельским населением Республики Кипр, Чехии, Северной Македонии, Словакии, Венгрии, Греции.

В целом в левой части рисунка 1 концентрируются государства, через которые с момента начала европейского миграционного кризиса проходят основные транзитные потоки нелегальных мигрантов. В сравнительно благополучной правой части представлены как страны — реципиенты миграционных потоков (преимущественно Северной и Западной Европы), так и географически изолированные островные государства.

Результаты позволяют констатировать, что во всех странах — участницах проекта установки горожан по отношению к мигрантам либо позитивнее ($n=22$), либо статистически значимо не отличаются от установок сельских жителей ($n=10$, в том числе Россия). Выявленные различия в оценках больше характерны для стран с выраженным позитивным отношением населения к мигрантам и части государств, расположенных в центре рисунка 1.

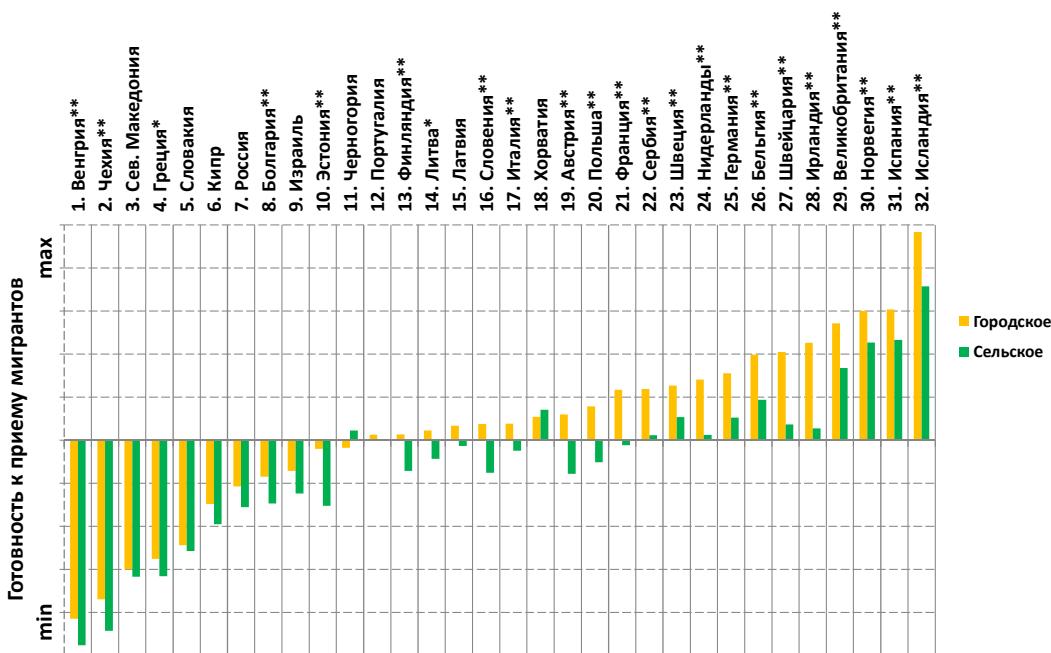
Попутно отметим, что значимые различия средних значений в зависимости от поселенческого статуса россиян отсутствуют и по исходным вопросам b43, b44, b45. Применительно к обобщенной переменной «отношение к мигрантам»

отсутствие различий сохраняется при использовании общего для стран — участниц ESS вопроса f14 без преобразования ответов в две категории (см. табл. 1).

Воспроизводимость полученных результатов с учетом разных категорий мигрантов оценим посредством расчета интегративного показателя, характеризующего готовность городского и сельского населения к их приему (см. табл. 1). Для удобства восприятия исходные шкалы были инвертированы: чем больше значение показателя, тем выше готовность населения к приему приезжих как той же расы или национальности, что и большинство населения страны, так и отличающихся от него, в том числе приезжих из бедных стран за пределами Европы. Объединение исходных вопросов, касающихся разных категорий мигрантов, в единую латентную переменную подтверждает высокую согласованность ответов в каждой стране.

Ранжированные по «готовности к приему» мигрантов городским населением страны представлены на рисунке 2.

*Рис. 2. Готовность к приему мигрантов городского и сельского населения
(32 страны ранжированы в порядке возрастания показателя для городского населения)*

Россия все так же дислоцирована в левой части рисунка, однако последовательность государств меняется. Наша страна, например, переместилась со второго на седьмое место. Некоторые различия в установках объясняются состоянием рынка труда и отчасти — распространением рационального подхода к рабочей силе. Коренные жители демонстрируют готовность к приему в обмен на закрытие потребностей экономики в малопривлекательных для себя сферах. Иными сло-

вами, существенная часть местного населения, при отсутствии выраженных позитивных установок, готова терпеть трудовых мигрантов на местах, на которых их некем заменить.

Наблюдается повторение ситуации, когда в большинстве европейских государств ($n = 23$) фиксируется значимое различие в оценках между городскими и сельскими жителями. Сельское население демонстрирует меньшую степень готовности к приему мигрантов. В остальных странах ($n = 9$), в том числе в России, значимые различия отсутствуют.

Учет различий между городским и сельским населением по значениям обоих рассчитанных показателей — «отношение к мигрантам» и «готовность к приему мигрантов» — позволяет констатировать, что во всех странах — участницах проекта городское население относится к приезжим либо благосклоннее, либо не хуже сельских жителей. При этом большинство стран характеризуется наличием значимого различия в установках населения.

Все государства можно условно разделить на три группы. Первую, самую многочисленную группу ($n = 20$) составляют государства, в которых по обеим обобщенным переменным фиксируются различия между горожанами и селянами (далее — группа № 1). Вторую наполняют преимущественно постсоциалистические страны (Латвия, Россия, Северная Македония, Словакия, Хорватия, Черногория, Израиль), где различия в установках населения отсутствуют (группа № 2). В состав третьей входят страны с выявленным различием только по одному интегративному показателю (Великобритания, Исландия, Греция, Португалия, Республика Кипр). Отметим, что здесь в ряде случаев результат был близок к пороговым значениям. Учитывая неопределенный статус группы, в дальнейшем анализе акцентируя внимание на группах № 1 и № 2.

Можно констатировать, что выдвинутая ранее гипотеза подтвердилась. В большинстве европейских стран городское население относится к мигрантам позитивнее, чем сельское. Актуальной остается задача определения характеристики, обусловливающих различия в установках жителей городов и сельской местности. Обратимся к результатам регрессионного анализа.

Образование и установки по отношению к мигрантам городских и сельских жителей

Исследование показало, что в странах группы № 1, за исключением Болгарии, чем больше лет потрачено на обучение, тем позитивнее отношение респондентов к мигрантам (см. табл. 2). В странах группы № 2 фиксируется либо слабое влияние «образования», либо оно отсутствует (Израиль, Латвия, Россия).

При включении в исходные модели (M1) предиктора «образование» объясняющая сила M2 значимо повышается во всех странах, кроме Болгарии¹³. Влияние места жительства снижается почти повсеместно, за исключением Республики Чехия и Бельгии (см. рис. 3). Последнее связано с отсутствием различий в количестве лет, потраченных респондентом на обучение, между сельской местностью и городами. В то время как в большинстве рассматриваемых европейских госу-

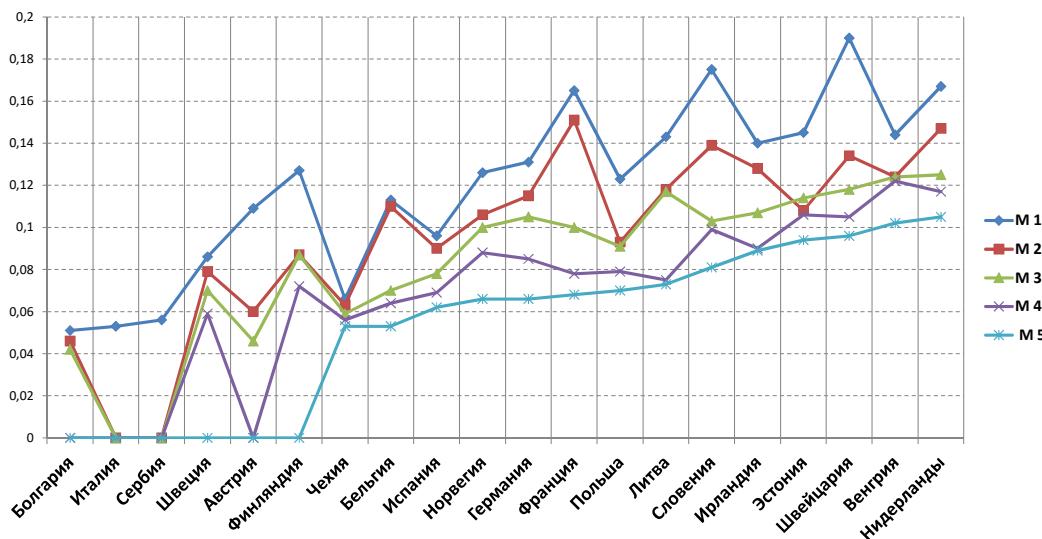
¹³ M2 по странам значимы — **. Болгария, Сербия — *.

дарств имеет место диспропорция в уровне образования в зависимости от поселенческого статуса. Горожане в среднем тратят на обучение либо большее количество лет, либо значимо не отличаются от сельского населения.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа M5 и M7 (20 стран, β-коэффициент, R-squared)

Страна	Стандартизованный β-коэффициент					R-squared		
	M5				M7	M5	M7	
	Место жительства	Образование	Происхождение	Привязанность к Европе	Традиционализм			
Австрия	0	0,114**	0,111**	0,253**	-0,319**	0	0,264	0,273
Бельгия	0,053*	0,170**	0,129**	0,185**	-0,161**	0,053*	0,144	0,166
Болгария	0	0	0,049*	0,100**	0,054**	0	0,016	0,025
Венгрия	0,102**	0,117**	0,055*	0	-0,203**	0,099**	0,077	0,079
Германия	0,066**	0,063**	0,068**	0,318**	-0,289**	0,066**	0,242	0,249
Ирландия	0,089**	0,117**	0,186**	0,391**	-0,095**	0,079**	0,264	0,274
Испания	0,062**	0,072**	0,167**	0,157**	-0,211**	0,056*	0,103	0,110
Италия	0	0,206**	0,224**	0,322**	-0,175**	0	0,231	0,239
Литва	0,073**	0,083**	0	0,380**	-0,085**	0,064**	0,201	0,238
Нидерланды	0,105**	0,105**	0,126**	0,317**	-0,125**	0,102**	0,187	0,188
Норвегия	0,066*	0,111**	0,062*	0,187**	-0,210**	0,072**	0,126	0,127
Польша	0,070**	0,063**	0	0,270**	-0,102**	0,065**	0,111	0,130
Сербия	0	0,063*	0	0,128**	-0,059*	0	0,024	0,049
Словения	0,081**	0,145**	0,125**	0,148**	-0,200**	0,081**	0,138	0,142
Финляндия	0	0,089**	0	0,279**	-0,272**	0	0,189	0,196
Франция	0,068**	0,151**	0,193**	0,277**	-0,236**	0,060**	0,246	0,256
Чехия	0,053**	0,095**	0,066**	0,161**	-0,220**	0,055**	0,096	0,126
Швейцария	0,096**	0,196**	0,112**	0,226**	-0,174**	0,088**	0,192	0,199
Швеция	0	0,124**	0,104**	0,209**	-0,311**	0	0,192	0,208
Эстония	0,094**	0,082**	0	0,181**	-0,182**	0,068**	0,117	0,161

Рис. 3. Влияние места жительства на «отношение к мигрантам» до и после включения в регрессию предикторов «образование», «происхождение», «привязанность к Европе», «традиционализм» (20 стран, 5 моделей для каждой страны, значение β -коэффициента)

Сравнительно большая доля высокообразованных респондентов в городах обуславливает позитивное «отношение к мигрантам». Иными словами, часть эффекта влияния места жительства на «отношение к мигрантам» проходит через «образование»¹⁴. В Италии и Сербии объяснительная сила поселенческого статуса становится статистически незначимой.

Анализ медиации позволяет сделать вывод, что косвенный эффект значителен в большинстве стран группы № 1, за исключением Бельгии, Болгарии, Ирландии, Сербии и Чехии (см. табл. 3). В Италии влияние места жительства полностью определяется «образованием».

Можно констатировать, что гипотеза о том, что различия в установках по отношению к мигрантам городского и сельского населения отчасти обусловлены «образованием» респондентов, подтвердилась.

Таблица 3. Влияние места жительства на отношение к мигрантам: прямой и косвенные эффекты посредством «образования», «привязанности к Европе», «традиционализма» (20 стран, b, доверительный интервал бутстрепа)

Страна	Прямой эффект (b)	Косвенный эффект (b, доверительный интервал бутстрепа)		
		Образование	Привязанность к Европе	Традиционализм
Австрия	Незначим	0,041 [0,023—0,061]	0,043 [0,017—0,070]	0,075 [0,046—0,105]
Бельгия	0,120**	0,002 [-0,011—0,016]	0,023 [0,006—0,042]	0,018 [0,004—0,034]

¹⁴ Результат в целом воспроизводится при использовании дихотомической переменной, учитывающей наличие у респондентов высшего образования.

Страна	Прямой эффект (b)	Косвенный эффект (b, доверительный интервал бутстрепа)		
		Образование	Привязанность к Европе	Традиционализм
Болгария	Незначим	0,021 [-0,005—0,046]	0,017 [0,002—0,033]	-0,005 [-0,013—0,003]
Венгрия	0,146**	0,021 [0,011—0,035]	-0,001 [-0,006—0,003]	0,037 [0,012—0,058]
Германия	0,142**	0,018 [0,012—0,024]	0,049 [0,034—0,064]	0,064 [0,051—0,078]
Ирландия	0,174**	0,013 [-0,004—0,031]	0,046 [0,014—0,080]	0,000 [-0,006—0,006]
Испания	0,125**	0,007 [0,001—0,017]	0,020 [0,004—0,039]	0,014 [-0,006—0,036]
Италия	Незначим	0,046 [0,030—0,064]	-0,001 [-0,025—0,025]	0,004 [-0,010—0,017]
Литва	0,146**	0,028 [0,007—0,050]	0,110 [0,067—0,158]	0,014 [0,001—0,031]
Нидерланды	0,154**	0,016 [0,006—0,028]	0,018 [-0,002—0,039]	0,022 [0,010—0,037]
Норвегия	0,139**	0,034 [0,018—0,054]	0,019 [0,006—0,037]	0,046 [0,026—0,068]
Польша	0,146**	0,033 [0,008—0,060]	0,043 [0,017—0,070]	0,024 [0,011—0,039]
Сербия	Незначим	0,019 [-0,006—0,047]	0,044 [0,017—0,077]	0,030 [0,006—0,059]
Словения	0,204**	0,041 [0,021—0,065]	0,007 [-0,007—0,024]	0,052 [0,028—0,080]
Финляндия	0,076*	0,032 [0,015—0,051]	0,038 [0,015—0,063]	0,074 [0,051—0,100]
Франция	0,185**	0,019 [0,007—0,034]	0,063 [0,036—0,092]	0,024 [0,003—0,047]
Чехия	0,085*	0,004 [-0,003—0,111]	0,002 [-0,012—0,018]	0,000 [-0,021—0,022]
Швейцария	0,146**	0,066 [0,044—0,090]	0,027 [0,008—0,048]	0,023 [0,010—0,039]
Швеция	Незначим	0,015 [0,003—0,029]	0,030 [0,009—0,055]	0,061 [0,030—0,093]
Эстония	0,170**	0,041 [0,017—0,069]	0,036 [0,016—0,060]	0,042 [0,022—0,066]

Примечание. Фоновой заливкой отмечены ячейки таблицы, в которых ноль попадает в 95-процентный доверительный интервал.

В России горожане в целом образованнее селян. Последнее обусловлено действием ряда факторов, в том числе различным восприятием ценности образования, обеспеченностью местами в вузах, финансовой и территориальной доступностью, спецификой рынка труда и др. [Буланова, 2016]. Однако характерная для большинства европейских стран связь образования с отношением к мигрантам в России не проявляется, что в том числе предопределяет отсутствие различий в установках в зависимости от поселенческого статуса россиян.

Объяснение может быть связано со специфичными проблемами отечественного образования — сложностями формирования универсальных компетенций (УК), ориен-

тацией педагогов прежде всего на передачу содержания дисциплины, проблемами измерения и оценки УК и др. Возможно, в России на первый план выходят другие агенты социализации — семья, СМИ, лидеры общественного мнения и т.д. Уточнение их роли требует проведения дополнительных исследований и дальнейшего обсуждения.

В контексте конкуренции с мигрантами на рынке труда образование также не дает россиянам существенных преимуществ. В условиях статусной неконсистентности общества оно сравнительно слабо обеспечивает повышение уровня дохода и предопределяет профессиональный статус.

Страна рождения и различия в установках горожан и селян

Среду социального взаимодействия можно охарактеризовать сквозь призму страны рождения респондента и/или его родителей. Очевидно, что за исключением некоторых ситуаций опрошенные, указавшие в качестве места рождения своего или родителей другую страну, сами являются или были ранее мигрантами либо происходят из семей мигрантов или бывших мигрантов.

Государства — участники проекта сильно дифференцированы по рассматриваемому показателю. Максимальное разнообразие фиксируется в Израиле, где 46,2% респондентов отмечают факт своего рождения или рождения хотя бы одного из родителей в другой стране, в Швейцарии — 44,8%, в Эстонии — 30,2%. Минимальных значений показатель достигает в Болгарии — 2,6% и Венгрии — 3,6%.

Для большинства стран группы № 1 характерна зависимость между «происхождением» и отношением опрошенных к мигрантам. В целом выходцы или потомки выходцев из других стран позитивнее относятся к мигрантам (см. табл. 2). Влияние не обнаружено в Литве, Польше, Сербии, Финляндии и Эстонии. В Польше и Сербии значимые различия между городскими и сельскими жителями по стране рождения отсутствуют, в Финляндии они минимальны. Применительно к Литве и Эстонии ситуацию с происхождением как минимум родителей имеет смысл интерпретировать с учетом исторического прошлого (распад СССР). Это тот случай, когда «происхождение» может не быть маркером мигрантов или выходцев из их семей.

Интересна ситуация в Германии, где при наличии представительной группы (22%) респондентов, указавших местом своего рождения или рождения родителей другую страну, фиксируется сравнительно слабая зависимость с установками. Очевидно, закрепившиеся мигранты, как и опрошенные с миграционным прошлым, в условиях напряженности на рынке труда или дефицита ресурсов сами могут опасаться конкуренции с вновь прибывающими переселенцами, что скрывается на отношении к мигрантам.

Страны группы № 2 характеризуются относительно однородным «происхождением» жителей городов и сельской местности при одновременном отсутствии или наличии очень слабой зависимости «происхождения» с установками. В России значимые различия по рассматриваемому показателю между жителями сел и городов не фиксируются, что может нивелировать различия в установках населения.

Включение «происхождения» в модели (М3)¹⁵ приводит к снижению влияния места жительства на отношение к мигрантам в большинстве стран группы № 1,

¹⁵ М3 по странам значимы — **. Объяснительная сила моделей увеличивается за исключением Сербии, Финляндии, Эстонии.

за исключением Венгрии, Польши, Литвы, Сербии, Финляндии и Эстонии, что дает основания предполагать наличие частичного опосредующего эффекта (см. рис. 3).

Таким образом, выдвинутая гипотеза подтверждается отчасти. Разнородная среда действительно в большей степени характерна для городов и связана с позитивным восприятием мигрантов. Однако влияние страны рождения на различия в установках по отношению к мигрантам городского и сельского населения проявляется не повсеместно.

Различия в ценностных ориентациях и отношение к мигрантам

Городские и сельские жители различаются не только отдельными социально-демографическими характеристиками, но и ценностными ориентациями, что оказывает влияние на отношение к мигрантам в контексте поселенческого статуса. К числу факторов отношения к мигрантам относится эмоциональная привязанность к Европе. Идентификация с Европой в группе № 1 повсеместно, кроме Венгрии с ее проявлениями евроскептицизма и стремлением к консервативным ценностям, снижает предубеждение по отношению к приезжим (см. табл. 2).

Интересно, что при выраженной европейской идентичности представители аутгруппы (out-group) в лице приезжих из стран за пределами Европы в целом получают такие же положительные оценки, как и внутренние для ЕС мигранты, которые должны восприниматься как члены собственной группы (in-group). Для стран группы № 1 (за исключением Бельгии) характерно, что европейская идентичность сильнее проявляется среди жителей городов.

Группу № 2 в целом характеризует сравнительно низкий уровень эмоциональной привязанности к Европе. В постсоциалистических государствах оказывается комплекс факторов: исторический опыт, различия в экономическом развитии, политическая ситуация и т. д. При этом за исключением России в них отсутствуют значимые различия в оценках городского и сельского населения.

Можно предположить, что привязанность, являясь аффективным компонентом наднациональной идентичности, базируется на разделении респондентами основных европейских ценностей — космополитизма, культурного разнообразия, открытости, равенства, что предопределяет более благосклонное отношение, в том числе к внешним мигрантам. Различия в установках жителей городов и сел в итоге обусловлены особенностями ценностных ориентаций.

Добавление предиктора «привязанность к Европе» в модели М4 сопровождается снижением объяснительной силы «места жительства» в странах группы № 1 (см. рис. 3)¹⁶. Анализ медиации позволяет уточнить результаты — во всех странах кроме Венгрии, Италии, Нидерландов, Словении и Чехии, косвенный эффект значителен. В Австрии и Болгарии β-коэффициенты поселенческого статуса незначимы, что при отсутствии прямого эффекта является аргументом в пользу наличия полного опосредования. Таким образом, «привязанность к Европе» как ценностная ориентация в большинстве стран влияет на различия в установках жителей сельской местности и городов.

¹⁶ М4 по странам значимы — **.

В контексте поселенческого статуса рассмотрим связь отношения к мигрантам с одним из индикаторов ценности традиционализма. «Традиционализм» за единичными исключениями связан с более негативным отношением к приезжим. Во многом это предопределяется восприятием миграции как угрозы традиционному образу жизни, культуре, идентичности. В странах группы № 1 зависимость проявляется повсеместно (см. табл. 2). Объяснение ситуации в Болгарии, где направление связи изменяется, требует проведения дополнительного исследования. В группе № 2 влияние проявляется сравнительно слабо или отсутствует (Черногория).

Предсказательная сила поселенческого статуса снижается при включении «традиционизма» в модели М5 (см. рис. 3)¹⁷. Наличие значительного косвенного эффекта отмечается в большинстве стран, за исключением Болгарии, Ирландии, Испании, Италии и Чехии (см. табл. 3).

Отношение к мигрантам в контексте типа населенного пункта

Рассмотреть установки респондентов по отношению к мигрантам в зависимости от типа населенного пункта, а также факторы влияния позволяют результаты линейной регрессии М6.1 и М6.2 (см. табл. 4)¹⁸.

В целом объясняющая сила моделей М6.2 существенно не меняется в сравнении с М5, однако появляется возможность уточнений. Так, жители больших городов повсеместно относятся к мигрантам позитивнее селян. В то же время население остальных городов или ПГТ в ряде стран на уровне М6.1 в своих установках значимо не отличается от сельских жителей. С учетом опосредующего эффекта число таких государств увеличивается до девяти.

**Таблица 4. Результаты регрессионного анализа М6.1, М6.2
(20 стран, β -коэффициент, R-squared)**

Страна	М6.1		М6.2							R-squared	
	Большие города	Остальные города и ПГТ	Большие города	Остальные города и ПГТ	Образование	Происхождение	Привязанность к Европе	Традиционализм	M5	M6.2	
Австрия	0,201**	0,065**	0,055*	0	0,106**	0,104**	0,250**	-0,316**	0,259	0,263	
Бельгия	0,179**	0	0,118**	0	0,177**	0,110**	0,180**	-0,152**	0,144	0,153	
Болгария	0,087**	0	0,086**	0	0	0,049*	0,097**	0,065**	0,016	0,022	
Венгрия	0,187**	0,117**	0,132**	0,083**	0,111**	0,054*	0	-0,201**	0,078	0,080	
Германия	0,179**	0,098**	0,098**	0,047**	0,058**	0,064**	0,317**	-0,285**	0,238	0,241	
Ирландия	0,105**	0,147**	0,072**	0,093**	0,117**	0,186**	0,390**	-0,095**	0,259	0,258	
Испания	0,086**	0,091**	0	0,073**	0,072**	0,168**	0,157**	-0,211**	0,105	0,105	
Италия	0,065**	0	0	0	0,206**	0,224**	0,322**	-0,176**	0,233	0,232	
Литва	0,273**	0,105**	0,164**	0	0,076**	0	0,370**	-0,072**	0,199	0,214	

¹⁷ М5 по странам значимы — **.

¹⁸ М6.1 по странам значимы — **. Сербия — *. М6.2 по странам значимы — **.

Страна	M6.1		M6.2					R-squared		
	Большие города	Остальные города и ПГТ	Большие города	Остальные города и ПГТ	Образование	Происхождение	Привязанность к Европе	Традиционализм	M5	M6.2
Нидерланды	0,198**	0,116**	0,136**	0,072**	0,106**	0,119**	0,316**	-0,120**	0,187	0,191
Норвегия	0,110**	0,114**	0,058*	0,060*	0,110**	0,062*	0,187**	-0,208**	0,123	0,123
Польша	0,145**	0,120**	0,069**	0,070**	0,062**	0	0,270**	-0,102**	0,107	0,107
Сербия	0,087**	0	0	0	0,061*	0	0,127**	-0,057*	0,026	0,025
Словения	0,210**	0,119**	0,120**	0	0,144**	0,123**	0,146**	-0,192**	0,137	0,143
Финляндия	0,184**	0,083**	0	0	0,086**	0	0,278**	-0,268**	0,189	0,189
Франция	0,173**	0,149**	0,057*	0,067**	0,150**	0,192**	0,277**	-0,235**	0,247	0,247
Чехия	0,060*	0,081**	0	0,071**	0,094**	0,067**	0,160**	-0,223**	0,100	0,101
Швейцария	0,153**	0,164**	0,076**	0,084**	0,195**	0,110**	0,225**	-0,173**	0,194	0,194
Швеция	0,163**	0,072**	0,082**	0	0,115**	0,102**	0,208**	-0,309**	0,191	0,195
Эстония	0,184**	0,129**	0,116**	0,093**	0,082**	0	0,179**	-0,180**	0,117	0,117

Различия в установках жителей городских населенных пунктов разного типа можно объяснить разнообразием состава населения, интенсивностью взаимодействия, особенностями рынка труда, более развитой инфраструктурой и т.д. Интересно, что в ряде государств — в Ирландии, Испании, Норвегии, Швейцарии, Чехии — жители небольших городских населенных пунктов демонстрируют более позитивные установки, чем респонденты, проживающие в крупных городах, либо различия не фиксируются.

В целом выявленные ранее механизмы опосредования полноценно проявляются применительно к разным типам городов. Об этом свидетельствует почти по всеместное снижение β -коэффициентов при сравнении M6.1 и M6.2. Пошаговая интерпретация выходит за рамки рассмотрения настоящей публикации и требует проведения отдельного исследования. Перспективным для дальнейшей разработки представляется использование расширенной классификации населенных пунктов. На имеющихся выборках возникают определенные проблемы, связанные с наполняемостью отдельных категорий. В связи с этим в будущем представляется целесообразным проведение исследований в сравнительном дизайне.

Отношение к мигрантам и социально-демографические характеристики горожан и селян

Социально-демографические характеристики также можно рассмотреть в качестве предикторов. Для этого добавим в модели единым блоком пол, возраст, самооценку дохода (M7)¹⁹. За единичными исключениями добавленные переменные либо не оказывают значимого влияния, либо сравнительно слабо влияют на от-

¹⁹ M7 по странам значимы — **.

клика. В странах группы № 1 изменения Fзначимы кроме Венгрии, Нидерландов, Норвегии. Однако объяснительная сила M7 в большинстве стран увеличивается минимально (см. табл. 2)²⁰. Наибольшие изменения фиксируются в Прибалтике, что отчасти может быть связано с ярко выраженным демографическим кризисом и проблемой вымирания села.

Смещения β-коэффициентов, характеризующие вклад места жительства, по сравнению с M5 повсеместно минимальны. Иными словами, эффект влияния поселенческого статуса в большинстве стран сохраняется без существенных изменений. Интересно, что в контексте теории конкуренции объяснительный вклад материального положения респондентов оказывается весьма скромным. Отчасти это связано с тем, что в большинстве стран группы № 1 сельское население слабо отличается либо вообще не отличается от городского в оценках дохода. В отдельных государствах селяне оценивают материальное положение даже лучше, чем горожане. Такая ситуация объясняется субъективным характером оценки, высоким уровнем цен в городах, более низкой стоимостью жизни в сельской местности и, соответственно, большей покупательной способностью селян. В целом можно констатировать, что экономический статус является слабым объясняющим фактором различий в оценках горожан и селян.

Возраст приводит к снижению вклада места жительства в Литве и Эстонии, где сельское население в целом значимо старше жителей городов, при одновременном наличии связи возраста с отношением к мигрантам. Что же касается пола, то его влияние на эффект места жительства несущественно.

Заключение

С использованием многомерного анализа апробированы алгоритмы расчета интегративных показателей «отношение к мигрантам» и «готовность к приему мигрантов», характеризующих установки населения европейских государств. Повсеместно установки горожан либо позитивнее, либо статистически значимо не отличаются от аттитюдов сельских жителей. В целом городское население большинства стран — участниц проекта по сравнению с сельским позитивнее относится к мигрантам и демонстрирует большую готовность к их приему. Однако в ряде по большей части постсоциалистических государств, в том числе в России, значимые различия в установках отсутствуют. Россияне вне зависимости от поселенческого статуса демонстрируют негативное по европейским меркам отношение к мигрантам. В странах группы № 1 жители больших городов относятся к мигрантам позитивнее селян. В то же время население остальных городов или ПГТ в ряде государств по своим установкам значимо не отличается от сельских жителей.

Различия в отношении к мигрантам в контексте поселенческого статуса обусловлены влиянием комплекса факторов. В большинстве стран обнаружена прямая связь образования и «отношения к мигрантам». С учетом выявленных диспропорций городского и сельского населения в охвате высоким уровнем образования можно констатировать наличие значительного косвенного эффекта.

²⁰ В силу громоздкости результатов ограничимся приведением в таблице 2 для M7 R-squared и β-коэффициент места жительства.

Сквозь призму страны рождения респондента и его родителей характеризуется среда социального взаимодействия. Отмечается, что разнородное окружение в большей степени характерно для городского населения. В ряде стран его наличие связано с благосклонностью к приезжим. При этом влияние «происхождения» на различия в отношении к мигрантам городского и сельского населения выявлено в большинстве государств.

Часть эффекта влияния поселенческого статуса на отношение к мигрантам проходит через ценностные ориентации, в частности традиционализм, связанный с негативными установками населения, и базирующейся на разделении респондентами основных европейских ценностей и наднациональном самосознании европейскую идентичность. Экономический статус является слабым объясняющим фактором различий в установках горожан и селян.

Таким образом, различия в отношении к мигрантам городского и сельского населения в существенной степени отражают уровень образования, ценностные ориентации и происхождение. При этом комбинация и степень влияния опосредующих переменных могут варьироваться. В части стран прямой эффект становится незначителен. Однако полное опосредование повсеместно не достигается.

Вторичный анализ ограничивает возможности учета широкого спектра переменных, в том числе характеризующих коммуникативные модели. Выскажем предположение, что необъясненные различия в такой ситуации могут быть связаны с частотой и характером контактов. Городскому пространству свойственны более частые личные контакты с мигрантами, что в условиях их позитивного характера должно проявляться в положительных установках. В будущих исследованиях целесообразно предусмотреть блоки вопросов, направленных на выявление частоты и характера взаимодействия с мигрантами.

Рекомендации применительно к сложившейся в России ситуации связаны с со действием смягчению негативных аттитюдов посредством образования и коммуникационных стратегий. В образовании представляется полезной организация мониторинга сформированности релевантных универсальных компетенций, что подразумевает разработку надежных и качественных инструментов измерения путем обобщения опыта международных проектов оценки результатов и успешных практик ряда российских образовательных организаций.

В рамках коммуникационной интеграции целесообразно внедрение комплекса мер, направленных на повышение информированности с целью минимизации стереотипного восприятия мигрантов, путем создания коммуникативных площадок, обеспечивающих возможности для межгрупповых контактов.

К ограничениям исследования относится отсутствие возможности учета детальной классификации в зависимости от размера городского населенного пункта, что могло бы уточнить некоторые результаты.

Список литературы (References)

- Буланова М. Б. Образование в жизненном мире жителей села // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2. С. 105—111. Bulanova M. (2016) Education in the Life World of Villagers. RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies. No. 2. P. 105—111. (In Russ.)

2. Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214.
Varshaver E. A. (2015) Contact theory: Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 183—214. (In Russ.)
3. Воронина Н. С. Отношение россиян к иммигрантам в период пандемии COVID-19 (2020—2021 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 104—123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.6>.
Voronina N. S. (2023) Attitude of Russians towards Immigrants during the COVID-19 Pandemic (2020—2021). *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*. Vol. 11. No. 1. P. 104—123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.6>. (In Russ.)
4. Мастикова Н. С., Фадеев П. В. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 99—125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681>.
Mastikova N. S., Fadeev P. V. (2020) Who is Set Against Migrants in Russia? Analyzing Certain Socio-Demographic Characteristics. *Vestnik Instituta Sotziologii*. Vol. 11. No. 4. P. 99—125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681>. (In Russ.)
5. Монусова Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>.
Monusova G. A. (2021) Russians' Attitudes Towards Migrants: Opinions and Doubts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 436—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>. (In Russ.)
6. Мукомель В. И., Григорьева К. С., Монусова Г. А. и др. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М.:ФНИСЦ РАН, 2022.
Mukomel V. I., Grigoreva K. S. (eds.) (2022) Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
7. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации: результаты исследования / отв. редактор М. Ф. Черныш М.:Институт социологии РАН, 2016.
Chernysh M. F. (ed.) (2016) Sociocultural and Sociostructural Factors of Interethnic Tension in the Regions of the Russian Federation: Research Results. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
8. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте / отв. ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. М.:ФНИСЦ РАН, 2017.
Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. (eds.) (2017) Ethnicity and Interethnic Relations in a Social Context. Moscow: FCTAS RAS.
9. Allport G. W. (1979) The Nature of Prejudice. New York, NY: Basic Books.
10. Bessudnov A. (2015) Ethic Hierarchy and Public Attitudes towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 5. P. 567—580. <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>.

11. Ceballos M., Yakushko O., Lyons C. (2014) Rural and Urban Attitudes toward Immigrants in the U.S. Midwest and Great Plains. *Journal of Social Sciences*. No. 4. P. 150—161. <https://doi.org/10.3844/jssp.2014.150.161>.
12. Ceobanu A. M., Escandell X. (2010) Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 309—328. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102651>.
13. Chandler C. R., Tsai Y. Social Factors Influencing Immigration Attitudes: An Analysis of Data from the General Social Survey. *The Social Science Journal*. 2001. Vol. 38. No. 2. P. 177—88. [http://dx.doi.org/10.1016/S0362-3319\(01\)00106-9](http://dx.doi.org/10.1016/S0362-3319(01)00106-9).
14. Coenders M., Scheepers P. (2003) The Effect of Education on Nationalism and Ethnic Exclusionism: An International Comparison. *Political Psychology*. Vol. 24. No. 2. P. 313—343. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/0162-895X.00330>.
15. Crawley H., Drinkwater S., Kausar R. (2019) Attitudes towards Asylum Seekers: Understanding Differences between Rural and Urban Areas. *Journal of Rural Studies*. Vol. 71. P. 104—113. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.08.005>.
16. Crisp R. J., Turner R. N. (2009) Can Imagined Interactions Produce Positive Perceptions?: Reducing Prejudice through Simulated Social Contact. *American Psychologist*. Vol. 64. No. 4. P. 231—240. <https://doi.org/10.1037/a0014718>.
17. Dražanová L., Gonnot J., Heidland T., Krüger F. (2024) Which Individual-Level Factors Explain Public Attitudes toward Immigration? A Meta-Analysis. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 50. No. 2. P. 317—340. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2023.2265576>.
18. Garcia C. E., Davidson T. (2013) Are Rural People More Anti-Immigrant than Urban People? A Comparison of Attitudes towards Immigration in the United States. *Journal of Rural Social Sciences*. No. 1. P. 80—105.
19. Gorodzeisky A., Semyonov M. (2009) Terms of Exclusion: Public Views towards Admission and Allocation of Rights to Immigrants in European Countries. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 401—423. <https://doi.org/10.1080/01419870802245851>.
20. Fennelly K., Federico C. (2008) Rural Residence as a Determinant of Attitudes toward U.S. Immigration Policy. *International Migration*. Vol. 46. No. 1. P. 151—190. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2008.00440.x>.
21. Fetzer J. S. (2000) Public Attitudes Towards Immigration in the United States, France and Germany. New York, NY: Cambridge University Press.
22. Goicolea I., Gotfredsen A., Jonsson F., Wernesjö U. (2023) The Promise of Belonging: Racialized Youth Subject Positions in the Swedish Rural North. *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 24. P. 695—713. <https://doi.org/10.1007/s12134-022-00973-y>.

23. Haubert J., Fussell E. (2006) Explaining Pro-Immigrant Sentiment in the U.S.: Social Class, Cosmopolitanism, and Perceptions of Immigrants. *International Migration Review*. No. 3. P. 489—507. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2006.00033.x>.
24. Huijsmans T., Harteveld E., Van der Brug W., Lancee B. (2021) Are Cities ever More Cosmopolitan? Studying Trends in Urban-Rural Divergence of Cultural Attitudes. *Political Geography*. Vol. 86. P. 1—15. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102353>.
25. Huggins C. M., Debies-Carl J. S. (2015) Tolerance in the City: The Multilevel Effects of Urban Environments on Permissive Attitudes. *Journal of Urban Affairs*. No. 3. P. 255—269. <https://doi.org/10.1111/juaf.12141>.
26. Kahanec M., Tosun M. S. (2009) Political Economy of Immigration in Germany: Attitudes and Citizenship Aspirations. *The International Migration Review*. Vol. 43. No. 2. P. 263—291. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2009.00765.x>.
27. Konings R., De Coninc D., D'Haenens L. (2023) The Role of European and National Identity and Threat Perceptions in Attitudes towards Immigrants. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 3. No. 2. P. 446—460. <https://doi.org/10.1080/14782804.2021.2007058>.
28. Konings R., Mosaico M. (2020) Explaining Differences in Perceived Threat: Why Education Matters. *Italian Journal of Sociology of Education*. No. 2. P. 101—121. <https://doi.org/10.14658/pupj-ijse-2020-2-5>.
29. Lee B. A., Sharp G. (2017) Ethnoracial Diversity across the Rural-Urban Continuum. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. No. 1. P. 26—45. <https://doi.org/10.1177/0002716217708560>.
30. Markaki Y., Longhi S. (2013) What Determines Attitudes to Immigration in European Countries? An Analysis at the Regional Level. *Migration Studies*. Vol. 1. No. 3. P. 311—337. <https://doi.org/10.1093/migration/mnt015>.
31. Paas T., Halapuu V. (2012) Determinants of People'S Attitudes towards Immigrants in Europe. The University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper No. 88—2012. Tartu: University of Tartu. P. 3—18. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2137084>.
32. Pettigrew T. F., Tropp L. R. (2012) When Groups Meet: The Dynamics of Intergroup Contact. NewYork, NY: Psychology Press.
33. Sáez-Pascual B. (2024) Attitudes and Prejudice towards Immigration in Rural and Urban Contexts in Spain. *European Public & Social Innovation Review*. Vol. 9. P. 1—13. <https://doi.org/10.31637/epsir-2024-514>.
34. Schneider S. L. (2008) Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat. *European Sociological Review*. Vol. 24. No. 1. P. 53—67. <https://doi.org/10.1093/esr/jcm034>.

35. Stephan W.G., Renfro C.L. (2002) The Role of Threat in Intergroup Relations. In: Mackie D. M., Smith E. R. (eds.) *From Prejudice to Inter-Group Emotions: Differentiated Reactions to Social Groups*. New York, NY: Psychology Press. 2002. P. 191—207.
36. Stephan W.G., Stephan C.W. (2000) An Integrated Threat Theory of Prejudice. In: Oskamp S. (ed.) *Reducing Prejudice and Discrimination*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 23—45.
37. Umansky K., Weber D., Lutz, W. (2025) Revisiting the Role of Education in Attitudes toward Immigration in Different Contexts in Europe. *Genus*. Vol. 81. Art. 1. <https://doi.org/10.1186/s41118-024-00238-9>.
38. Zahl-Thanem A., Haugen M.S. (2019) Attitudes toward Immigrants in Rural Norway. A Rural-Urban Comparison. *Sociología Ruralis*. Vol. 59. No. 4. P. 685—700. <https://doi.org/10.1111/soru.12251>.